

«Урания»

Проходит десять лет после выхода «Конца прекрасной эпохи» и «Части речи», прежде чем он издает следующий сборник стихов – «Урания». Урания в греческой мифологии не только муза астрономии, есть еще и Афродита Урания («Небесная»), одна из двух Афродит. Вторая – Афродита Пандемос, то есть «всемирная» или, как переводит А. Ф. Лосев, «пошлая». Книга стихов в английских переводах, вышедшая в 1988 году, в значительной степени совпадает с русской «Уранией» по составу, но название немного изменено. По-английски книга называется не «Urania», а «To Urania», то есть не «Урания», а «Урании» или «К Урании», что проясняет мысль Бродского. Даря нам английскую «Уранию», Бродский написал на титуле: «To Nina and Leo – My inner bio» («Нине и Лео – моя внутренняя биография»). К Урании – это вектор внутренней биографии Бродского.

Объясняя название сборника, Бродский в 1992 году говорил интервьюеру: «[Данте], мне кажется, в *Чистилище*... <...> взывает к Урании за помощью – помочь переложить в стихи то, что трудно поддается словесному выражению. <...> Я хотел назвать книгу «Марш к Урании», по аналогии с одоновским «Марш к Клио»...» (Brodsky 1992).

Название сборника также связано со стихотворением особо любимого Бродским Баратынского «Последний поэт» (1835), но, как это нередко бывает со скрытой цитацией у Бродского, он цитирует полемично. У Баратынского поэт, поющий «благодать страстей», противопоставлен «поклонникам Урании холодной». Бродский, напротив, утверждает в качестве своей музыки «холодную» музу астрономии, географии и, в расширительном толковании, музу объективного, независимого от эмоциональности творчества. «Урания» – холодная книга в самом прямом смысле слова. Из семидесяти трех стихотворений в двадцати четырех, то есть почти трети, говорится про холод, зиму и осень и только в десяти про весну и лето. В «Урании» есть такие полные жизнелюбия вещи, как «Пьяцца Маттеи», «Римские элегии», «Горение», но преобладает мотив резиньяции, стремление к отрешенному, бесстрастному тону. Это становится особенно видно из сравнения по тематическому сходству стихов «Урании» с ранними вещами. Политический пафос таких стихов, как «Письмо генералу Z.» (КПЭ), «1972 год» (ЧР) сменяется мрачным сарказмом «Стихов о зимней кампании 1980 года» и «Пятой годовщины». Страстное богоискательство («Разговор с небожителем», «Натюрморт», КПЭ) — ироническим агностицизмом («Посвящается стулу»). В «Строфах» 1968 года («На прощанье ни звука...», ОВП) о разлуке с любимой говорилось: «Так посмертная мука / и при жизни саднит», – а в «Строфах» 1978 года («Наподобье стакана...»):

Право, чем гуще россыпь
черного на листе,
тем безразличней особь
к прошлому, к пустоте

472 Особо выразителен контраст между стихотворениями «Ангел» и «Приглашение к путешествию» (оба в ПСН). Сюжетное ядро этих двух коротких стихотворений сходно: одежда, оставленная отсутствующей женщиной. «Белый хлопчатобумажный ангел, / до сих пор висящий в моем чулане / на металлических плечиках» («Ангел») и «В спальне и гардеробе / пахнет духами: но, кроме тряпок от / Диора, нет ничего...» («Приглашение к путешествию»). В «Ангеле» забытое платье – ангел-хранитель лирического героя, в «Приглашении к путешествию» – фетиш для мастурбации. Но главное в «Ангеле» – сквозной мотив безграничной открытости, расширения: «...ангелы обладают / только цветом и скоростью. Последнее позволяет / быть везде. Поэтому до сих пор / ты со мной...» – и в конце удивительное иносказание беременности оставившей героя подруги, чье тело продолжает «расширяться от счастья в диаметре». В финале карикатурного «Приглашения к путешествию» герой насилует женщину, заставляя ее при этом *застыть* лицом в подушке. Об эротике и сексуальной тематике у Бродского см. *Pilshchikov 1995, Лосев 1995*.

в будущем.

И в следующей строфе:

Ты не услышишь ответа,
если спросишь «куда»,
так как стороны света
сводятся к царству льда.

Особенно резко контрастируют два длинных стихотворения («оды») о существовании на грани между жизнью и смертью – «Бабочка» (ЧР) и «Муха» (У). Бабочка – традиционный символ души, возрождающейся жизни. В «Мухе» воспевается нечто в традиционной лирике невозможное – вялое, неопрятное, полудохлое насекомое. Однако именно воспевается, а не изображается с эпатажирующей отвратительностью, как бывает в поэзии после Бодлера. Поэт находит новый символ метаморфозы, смерти и воскресения, в мухе, ползающей под «лампочкой вполнакала» по «бесцветной пыли».

В «Урании» Бродский целеустремленно создает нечто беспрецедентное – лирику монотонной обыденности, *taedium vitae* (скуки жизни).